

**Признание вины как единственное доказательство: от наилучшего
доказательства к абсолютному отрицанию**

Научный руководитель – Головкин Леонид Витальевич

Галактионова Софья Борисовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sborsofi@gmail.com

Показания обвиняемого – одно из доказательств классического перечня, закрепленного в том числе и в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Оценка признания на разных исторических этапах развития уголовного процесса варьировалась от придания ему статуса наилучшего доказательства до полного его отрицания, если оно не было подкреплено совокупностью других доказательств.

Показания, сопряженные с признанием вины не выделяются в отдельный вид доказательств, а являются лишь разновидностью показаний обвиняемого. Этим подчеркивается то, что признательным показаниям априори не придается большего значения, нежели другим видам доказательств.

Пожалуй, одним из самых известных постулатов теории формальных доказательств является фраза «Признание – царица доказательств» (лат. *Confessio regina probationum est*). Средневековые юристы говорили, что «достовернейший из свидетелей – это сам сознающийся виновным» (*optimus testis confitens reus*) [1;40]. Признание вины означало неотвратимость наказания, которое во времена расцвета инквизиционного процесса с малой долей вероятности было бы гуманным, что вовсе не мотивировало невиновного человека оговаривать себя.

После отказа от теории формальных доказательств норма о силе признания как доказательства возродилась в УПК РСФСР 1960 г.

Причины появления нормы, закрепленной во втором абзаце ст. 77 УПК РСФСР 1960 г., можно условно разделить на причины, связанные с проблемами оценки признательных показаний на практике, а также политико-правовые причины.

В УПК РСФСР 1923 г., несмотря на отсутствие норм, закрепляющих правила оценки доказательств, в том числе отдельных норм, касающихся показаний обвиняемого, в ст. 282 было закреплено, что согласие подсудимого с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, а также дача им своих показаний, дает суду право не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон.

Представляется, ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. не подлежит расширительному толкованию в части доказательственного значения согласия подсудимого с обвинением и последующими его показаниями. Наличие подобного рода нормы можно объяснить как попытку ускорить процесс, поскольку это позволяет пропустить наиболее объемный этап судебного разбирательства – судебное следствие. Однако в правоприменительной практике суды все же столкнулись с неоднозначным пониманием данной нормы. Об этом свидетельствует наличие разъяснений, как говорили в то время, «высшего судебного контроля». В определении по делу № 989, принятому в 1922 г., отмечалось: «Сознание обвиняемым не только на предварительном, но даже на судебном заседании не может всегда служить безусловным доказательством виновности» [2;81]. В циркуляре Народного комиссариата юстиции РСФСР №20 от 31 января 1924 г. содержится следующая рекомендация не придавать решающего значения сознанию обвиняемого, а для всестороннего освещения дела собирать объективные доказательства виновности привлеченных к делу лиц [3;118].

Если говорить о политико-правовых причинах включения в УПК 1960 г. нормы об оценке признания, можно выделить социальную ориентированность процесса. Так, правило об оценке признания, свойственное теории формальных доказательств, было наполнено новым смыслом и обрело значение важнейшей гарантии прав обвиняемого.

В действующем УПК РФ ч. 2 ст. 77 изложена следующим образом: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Если сравнивать её с редакцией УПК РСФСР 1960 г., можно заметить небольшое расхождение в формулировках. В УПК РСФСР говорится о подтверждении признания обвиняемого, а в действующем – о подтверждении виновности обвиняемого. При буквальном прочтении получается следующее. УПК РСФСР требовал доказательства, подтверждающие достоверность непосредственно признания обвиняемого, в то время как в УПК РФ акцент сделан на доказательствах, подтверждающих виновность, безотносительно к показаниям обвиняемого. Безусловно, проверять достоверность признания вины, как и любого другого доказательства, необходимо, однако это не должно смещать вектор следствия с поиска доказательств, подтверждающих виновность или невиновность обвиняемого, на установление степени искренности его признания. В этой связи редакция УПК РФ представляется более удачной, поскольку изначально ориентирует правоохранительные органы на собирание доказательств виновности лица, а не доказательств истинности его признательных показаний.

Если говорить о практике применения ч. 2 ст. 77 УПК РФ, следует отметить, что достаточно активно она используется стороной защиты в апелляционных и кассационных жалобах. В большинстве случаев суды признают доводы необоснованными, поскольку показания осуждённых являются лишь одним из доказательств его виновности. Однако встречаются и кассационные определения, как отменяющие обвинительный приговор, так и оставляющие без изменений оправдательный приговор.

Наличие ч. 2 ст. 77 УПК РФ, на наш взгляд, является логичным продолжением политики отказа от пыток, закреплённой в том числе и на международном уровне. Таким образом, несмотря на лаконичность ч. 2 ст. 77 УПК РФ, она содержит в себе несколько гарантий, как непосредственно указанных в норме, так и выводимых путем телеологического толкования.

Источники и литература

- 1) Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. СПб., 1861.
- 2) Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972.
- 3) Циркуляр № 20 «О мероприятиях по организации процесса по должностным и хозяйственным преступлениям // Еженедельник советской юстиции. 1924, № 5.